

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(3), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Ламзина А. В. Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны : рамочный текст и сюжетика / А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 3. — С. 270—291. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-270-291.

Lamzina, A. V. (2026). Apocalyptic Archetypes in M. Voloshin's Poetry of October Revolution and Civil War: Frame Text and Plot Structure. *Nauchnyi dialog*, 15 (3): 270-291. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-270-291. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны: рамочный текст и сюжетика

Ламзина Анна Владиславовна
orcid.org/0000-0001-6464-9675
кандидат филологических наук,
департамент иностранных языков
alamzina@mail.ru

Московский физико-технический
институт (научно-
исследовательский университет)
(Долгопрудный, Россия)

Apocalyptic Archetypes in M. Voloshin's Poetry of October Revolution and Civil War: Frame Text and Plot Structure

Anna V. Lamzina
orcid.org/0000-0001-6464-9675
PhD in Philology,
Department of Foreign Languages
alamzina@mail.ru

Moscow Institute
of Physics and Technology
(National Research University)
(Dolgoprudny, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена вопросам проявления библейской семантики и эсхатологической семиосферы в рамочном тексте лирики М. А. Волошина периода Гражданской войны. Источниками выступили стихотворения, включенные автором в сборник «Неопалимая купина» в совокупности его различных редакций, созданных автором с 1917 по 1923 годы. Представлены результаты сопоставительного анализа вариантов стихотворений разных лет. Разработана типология рамочного текста в соответствии с основными смыслами библейской семантики, проявляемыми в раме и в тексте стихотворения. Подчеркивается, что отсылки к Библии, в частности Откровения, сопровождаются мотивами бесовщины и ада на Земле. Выявлено, что поэт рассматривает народное бедствие как наказание за грехи с возможностью искушения через страдания. Сделан вывод, что ветхозаветные и новозаветные цитаты и аллюзии, пронизывающие текстовые рамы отдельных стихотворений и циклов, выполняют апперцептивную и суггестивную функции, формируя у читателей смысловые параллели между библейскими пророчествами и современными реалиями. Доказано, что библейская образность и эсхатологические интуиции паратекстуальных компонентов позволили Волошину придать национальной катастрофе более глубокий духовно-символический смысл и внушить надежду на «пост-апокалиптическое» возрождение.

Ключевые слова:

Максимилиан Волошин; сборник *Неопалимая купина*; рамочный текст; символика глав и эпиграфов; библейские мотивы; апокалипсический нарратив; историософские параллели; новозаветные архетипы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article examines the manifestation of biblical semantics and the eschatological semiosphere within the frame text of M. A. Voloshin's lyrical works composed during the Russian Civil War. The primary sources are the poems included by the author in the collection "The Unburnt Bush" (Neopalimaya Kupina), considered in the aggregate of its various editions compiled between 1917 and 1923. The study presents the results of a comparative analysis of different versions of the poems across these years. A typology of frame text is developed in accordance with the principal meanings of biblical semantics as expressed both in the frame and in the poetic text itself. It is emphasized that references to the Bible, particularly to the Book of Revelation, are accompanied by motifs of demonic possession and hell on earth. The analysis reveals that the poet interprets national calamity as a punishment for sins, with the possibility of redemption through suffering. The article concludes that Old and New Testament quotations and allusions, which permeate the textual frames of individual poems and cycles, fulfill an apperceptive and suggestive function, establishing semantic parallels between biblical prophecy and contemporary reality for the reader. It is demonstrated that biblical imagery and eschatological intuitions embedded in paratextual components enabled Voloshin to infuse the national catastrophe with a deeper spiritual and symbolic meaning, while also instilling hope for a "post-apocalyptic" rebirth.

Key words:

Maximilian Voloshin; The Unburnt Bush; frame text; symbolism of titles and epigraphs; biblical motifs; apocalyptic narrative; historiosophical parallels; New Testament archetypes.

УДК 821.161.1Волошин.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-3-270-291

Научная специальность ВАК
5.9.1. Русская литература и литературы
народов Российской Федерации

Апокалипсический архетип стихотворений М. Волошина времен Октябрьской революции и Гражданской войны: рамочный текст и сюжетики

© Ламзина А. В., 2026

1. Введение = Introduction

Максимилиан Волошин (1877—1932) — русский поэт, переживший и выразивший в своем творчестве те чувства, которые охватили его современников в связи с потрясениями начала XX века: Первой мировой войной, революцией 1917 года и последующей Гражданской войной. Лирика Волошина этих лет отмечена стремительным переосмыслением современной истории в религиозно-мифологическом ключе.

Актуальность исследования обусловлена не только все более повышающимся интересом к постреволюционному творчеству Волошина в отечественном литературоведении, но и тем, что рамочный текст Волошина как феномен — при всей его символической и интертекстуальной интенциональности — в настоящее время остается малоисследованным. Новизна исследования видится в том, что впервые проанализирован рамочный текст произведений Максимилиана Волошина в контексте не только отдельных стихотворений и циклов, но общей концепции сборника, как она виделась автору, который передавал свой замысел читателю через совокупность заглавий, эпиграфов и финальных авторских помет. Анализируются историко-софские и символические функции заглавий и эпиграфов, отсылающих к библейским архетипам и тем самым уподобляющих бытие России времен смуты библейским событиям.

Поэзия Волошина глубоко исследована в отношении отражения им образов Гражданской войны [Рубенкова, 2018] и связи их с апокалиптической тематикой [Смагина, 2019; Бурмистров, 2021; Сейранян, 2025; Юдахин, 2025а; Юдахин, 2025б]. Вопросы семантического комплекса Апокалипсиса в литературе начала XX столетия подробно проработаны в диссертации М. В. Яковлева [Яковлев, 2016], в исследовании В. В. Полонского [Polonsky, 2022] и других авторов. Особый интерес представляет анализ рамы текста как инструмента передачи скрытых смыслов. В этом

отношении методологически полезными являются такие исследования, как [Хомяков, 2020; Королева, 2022; Ламзина, 2025], в которых освещается вопрос значимости авторских помет, заголовков, посвящений, эпитафий и датировки стихотворений, в совокупности составляющих так называемый «рамочный текст», передающий коммуникативные интенции автора и его видение разделения текста.

2. Материалы и методы = **Methods & Material**

В контексте задач настоящего исследования рассмотрены стихотворения 1917—1923 годов, собранные М. А. Волошиным в сборник «Неопалимая Купина», в динамике развития цикла. Для творчества М. А. Волошина всегда была важна античная мифология (см. [Заяц, 2014; Пинаев, 2022; Колла, 2025; Рункова, 2025]), однако под влиянием невиданной национальной катастрофы он все более обращается к образам и повествованиям из Библии, стараясь вписать происходящие события в универсальный контекст священной истории [Смагина, 2019].

Современники отметили профетический, пророческий тон его поэзии военных лет; сам Волошин искал в библейских пророчествах и откровениях слова и смыслы, соразмерные его личным переживаниям и широкому историческому контексту, что впоследствии нашло неожиданное отражение в народном культе М. А. Волошина [Громов, 2024].

Стихи этого периода, вошедшие в книгу «Неопалимая Купина. Стихи о войне и революции» (опубликована в 1924 году) и в поэму «Путями Каина» (1921), насыщены библейскими аллюзиями и прямыми цитатами, благодаря которым современность осмысливается через призму вечных религиозных категорий — греха и наказания, Апокалипсиса и Страшного суда, жертвы и искупления.

Цель настоящего исследования — выявить закономерности и специфику отражения библейской образности в «рамочном тексте» и сюжетике стихотворений и циклов М. Волошина, посвященных осмыслению судьбы России в эпоху великого перелома (1917—1923). Под *рамочным текстом* в данном случае понимаются заглавия, эпитафии, посвящения и другие элементы, не входящие в основной текст стихотворений, которые тем не менее важны для глубокого понимания и интерпретации произведений [Ламзина, 2025].

В фокусе анализа настоящего исследования следующие аспекты: 1) символика заглавий и эпитафий, отсылающих к библейским реалиям и тем самым создающих параллель между современностью и библейской историей; 2) представление революции и войны в категориях апокалиптических пророчеств (конца света, Страшного суда и др.); 3) образ Гражданской войны как подобию ада, земной преисподней; 4) мотив «бесовщи-

ны» — вселенского наваждения злых сил, охвативших Россию; 5) трактовка народных бедствий как кары Божьей за прежние грехи, совмещенной с идеей очищения и искупления через страдание; 6) образ лирического героя Волошина как пророка и искупителя, готового принять страдание и своим жертвенным служением приближающего духовное возрождение Родины. Ниже эти аспекты рассматриваются последовательно с опорой на поэтические тексты Волошина указанного периода.

3. Результаты и обсуждение = Results and discussion

3.1. Библейские мотивы в заглавиях и эпитафиях волошинской лирики 1917—1923 годов

Первым уровнем, на котором библейская семантика заявляет о себе в поэзии Волошина времен революции и Гражданской войны, являются такие элементы рамочного текста, как заглавия и эпитафии, которые в совокупности задают читателю определенный интерпретационный ракурс. Волошин насыщает заглавия своих стихов и циклов прямыми библейскими отсылками. Так, уже название сборника стихов о войне и революции — «Неопалимая Купина» — представляет собой библейский образ: нестерпяемый терновый куст, в котором Бог явился Моисею (Исх. 3:2). В религиозной традиции Неопалимая Купина символизирует горение и страдание без уничтожения. Не случайно Волошин избирает этот образ в качестве метафоры для России начала XX века, стремясь выразить идею о том, что пламя войны и революции испепеляет страну, но не уничтожает ее духовной сущности. В своих стихах этого цикла поэт прямо отождествляет родину с образом явившегося Моисею горящего и не сгорающего куста, через который Божья воля являет себя в историческом пламени. Таким образом, само заглавие книги формирует у читателя ассоциацию: Россия подобна неопалимому кусту — она охвачена огнем социальных катаклизмов, но через эти испытания может проявиться некая высшая судьба, возможно, даже богоявление. В. Д. Серафимова отмечает семантику библейского образа как знака связи времен — через упоминание в стихотворении других военных конфликтов, которые переживала Россия [Серафимова, 2006, с. 16], Барбара Уокер связывает эти мотивы с насущными вопросами выживания, несомненно, волновавшими всех культурных деятелей начала XX столетия и находившими свое отражение в поэзии [Уокер, 2022].

Большой интерес представляет динамика развития цикла в аспекте рамочного текста: «Неопалимая Купина» создавалась автором в различных редакциях, варьировалась в том числе рамочный текст.

Так, первый раздел, в окончательной редакции озаглавленный «Война», в первой авторской версии назывался «Ангел Мищенья» и сопрово-

ждался эпиграфом из «Жития протопопа Аввакума»: «Выпросил у Бога светлую Россию Сатана да очервленит ю кровью мученическою» [Волошин, 2003, с. 507]. Контекст «Жития» связывает события раскола между староверами и представителями новой веры с Апокалипсисом и Страшным судом, а использование этого высказывания в качестве компонента рамочного текста, в свою очередь, погружает события войны и революции в контекст Апокалипсиса и в целом библейских аллюзий [Аввакум, 1934, с. 63—157].

В раме текста «Неопалимой Купины» присутствует множество отсылок к библейскому тексту, которые при этом сконцентрированы в первой части цикла: после стихотворения «Родина», размещенного автором в середине раздела «Пути России», эпиграфы и авторские пометы не содержат отсылок к тексту Священного Писания.

Стихотворению «Усталость» предпослан эпиграф из книги Исайи «Трости надломленной не преломит / И льна дымящегося не угасит» [Волошин, 2003, с. 236]. Стихотворение «Демоны глухонемые» (1917) также снабжено эпиграфом из книги пророка Исайи: «Кто так слеп, как раб Мой? и глух, как вестник Мой, Мною посланный?» (Ис. 42:19) [Там же, с. 261]. Эти слова Господа, укоряющего слепоту и глухоту своего народа, выступают ключом к пониманию образов самого стихотворения: Волошин изображает некие слепые и глухие силы, действующие в разгар революционных событий. Благодаря эпиграфу читатель опознает в этих силах своего рода «рабов Божьих», не осознающих своей миссии, — то есть революционные массы и стихии бунта предстанут, парадоксально, как исполнители высшего промысла, хотя сами они слепы к нему.

К стихотворению «Родина» Волошин также ставит эпиграф из книги Исайи: «Каждый побрел в свою сторону / и никто не спасет тебя», — сопроводив его пояснением: «Слова Исайи, открывшиеся в ночь на 1918 г.» [Там же, с. 263]. В примечаниях к этому эпиграфу указано: «Начиная с 1910, Волошин гадал в ночь под Новый год, — несколько раз открывая наугад книгу (обычно Библию) и записывая “выпавшие” слова в “творческой тетради”» [Там же, с. 527]. Таким образом, слова Исайи выпали в качестве предсказания на грядущий Новый год. При самом стихотворении стоит помета о дате создания «30 мая 1918 года», то есть Волошин акцентирует тот момент, что прошло уже почти полгода и предсказанное начинает сбываться.

Интересно, что далее, после «Родины», в «Неопалимой купине» практически не встречается отсылок к библейскому контексту в раме текста: происходящее во время Революции и Гражданской войны переосмысливается в контексте событий Смутного времени, Раскола и в дальнейшем

автор переходит к описанию актуальной на тот момент картины мира — «личин» Гражданской войны («Красногвардеец», «Матрос», «Большевик», «Буржуй», «Спекулянт»). Сам автор позиционирует «Личины» как исторические заметки, которые призваны зафиксировать достоверные моменты периода революции: документы пропадут, а стихотворения останутся [Басина, 2016, с. 40].

Отсылка к библейскому контексту возобновляется в последнем разделе «Возношения», где присутствуют стихотворения «Видение Иезекииля», «Иуда Апостол», «Святой Франциск», «Хвала Богоматери», не снабженные эпиграфами, — отсылка к Библии присутствует именно в заглавиях и непосредственно в тексте стихотворений.

Стратегему рамочного текста в отношении библейского семантического комплекса, таким образом, можно описать как использование отсылки к Библии в «главном» заголовке — названии всего цикла, затем следует переключка заголовков и рамы текста с пометами о месте и времени создания текста.

Тот же вариант стратегии озаглавливания и использования других элементов рамочного текста проявляется в созданном 1922—1923 годах цикле «Путями Каина» (который автор называл как циклом, так и поэмой [Волошин, 2004, с. 641]). При этом в цикл включены два более ранних стихотворения — «Левиафан» и «Суд» 1915 года. Рамочный текст цикла в белой редакции чрезвычайно лаконичен: в него включены названия стихотворений и пометы о месте и времени их создания, и только у стихотворения «Левиафан», созданного в 1915 году, приведен эпиграф из одноименного труда Томаса Гоббса, понимавшего под «Левиафаном» уничтожающую человека силу государства. Также всему циклу предпослан подзаголовок «трагедия материальной культуры».

Цикл состоит из 15 стихотворений, название каждого из которых представляет собой существительное в именительном падеже: Мятаж, Огонь, Магия, Кулак, Меч, Порох, Пар, Машина, Бунтовщик, Война, Космос, Та-ноб, Государство, Левиафан, Суд. У ряда стихотворений при первой публикации было иное название (таб.).

Как видно из представленной выше таблицы, первоначальная коммуникативная интенция автора при публикации стихотворений предполагала использование большего количества библейских отсылок, чем вошло в окончательную редакцию. Так, в раме текста упоминался Аполлион (ангел смерти), присутствовали эпиграфы из текстов, входящих в Библию, а концепт «суда» представлялся через образ Страшного суда, что прочитывается в заголовке “*Dies illa...*”, отсылающем к контексту средневековой секвенции “*Dies irae, dies illa*”, описывающей реалии Страшного суда.

Таблица

Состав цикла «Путями Каина», М. Волошин (1922—1923)

Окончательное название	Первоначальное название
Мятеж	«Пролог» [Там же, с. 644]
Огонь	—
Магия	«Война и мир» [Там же, с. 645]
Кулак	—
Меч	—
Порох	—
Пар	—
Машина	—
Бунтовщик	«Пророк» [Там же, с. 650]
Война	«Аполлион» [Там же, с. 652] в редакции 1915 года
Космос	—
Таноб	—
Государство	В рукописной редакции имело подзаголовок: «Государство империалистического типа». Предполагались подзаголовки частей, такие, как «1. Культура. 2. Монополия крови. 3. Воспитание. 4. Фиск. 5. Парламентаризм. 6. Пресса. 7. Буржуазные революции» [Там же, с. 657]
Левиафан	В первом варианте публикации присутствовал также эпиграф из книги Иова: «Сердце его твердо, как камень, и жестко, как нижний жернов ... На все высокое он смотрит смело, Он царь надо всеми сынами гордости» [Там же]
Суд	“Dies illa tam amara” («День этот так горек») с эпиграфом «И отдала земля мертвых, бывших в ней» из Откровения Иоанна Богослова [Там же, с. 658]

Формирование цикла «Путями Каина» как совокупности стихотворений о гибели культуры и индустриализации привело к изменению коммуникативной стратегии прочтения текста: «Война» (ранее «Аполлион») встроена в контекст стихотворений «Мятеж», «Огонь», «Пар», а «Левиафан» при помощи замены элементов рамочного текста — от библейского эпиграфа к Томасу Гоббсу — прочитывается через образ государства, разрушающего личность и культуру. Общий подзаголовок цикла «гибель материальной культуры» указывает на вектор восприятия: инфраструктура города, государства, индустриализации как сила, разрушающая естественную — Божественную — природу человека. При этом сам заголовок, отсылающий

к образу библейского братоубийцы, указывает на сохранение в тексте и библейской оптики прочтения: промышленная революция, события Гражданской войны, Первой Мировой войны представляют собой убийство человека-Авеля его братом-Каином.

В части указаний о месте и времени создания произведений Волошин только в «Суде» и «Левиафане» сохраняет пометы «1915 г., Париж», 9 декабря и 5 февраля соответственно. Остальные произведения, включая переработанную по сравнению с вариантом 1915 «Войну», отнесены к 1922 и 1923 году, Феодосии и Коктебелю. Оставляя даты и место создания, Волошин отмечает своеобразные вехи развития процесса: индустриальный процесс разрушения материальной культуры охватывает период как Первой мировой войны (1915 год), так и Гражданской (1922—1923), в территориальном отношении — как Францию (Париж), так и Россию (Феодосия, Коктебель).

Во многих стихотворениях Волошина данного периода эпитафии из Священного Писания направляют понимание текста, создавая параллели между библейскими пророчествами и современными реалиями. Например, подобным же образом библейский эпитаф из Апокалипсиса Иоанна Богослова предвещает стихотворение Волошина «Армагеддон» (1917): «Три духа, имеющие вид жаб... соберут царей вселенной для великой битвы... в место, называемое Армагеддон» (Откр. 16:13-16) [Волошин, 2003, с. 232]. Это прямое указание на пророчество о последних временах — битве царей в Армагеддоне — выдает замысел Волошина: осмыслить мировую войну как финальную битву добра и зла. Эпитаф создает в сознании читателя ассоциации с тремя «духами-жабами» из Апокалипсиса, которые традиционно трактуются как бесовские духи, наущающие правителей воевать. Таким образом, уже рамочный текст («заголовочный» эпитаф) переводит тему мировой войны в апокалиптический план, намекая, что за кулисами великих битв действуют темные духи, попущенные для свершения предначертанного в Писании.

Сам Волошин писал в эти годы: «Только в Библии можно найти слова, равносильные пафосу, нами переживаемому» [Там же, с. 356]. В полной мере эта установка реализуется именно на уровне заглавий и эпитафов его стихов. «Красная Пасха» (1921) [Там же, с. 342], «Святая Русь» [Там же, с. 257], «Иуда апостол» [Там же, с. 359], «Видение Иезекииля» [Там же] — все эти названия стихотворений Волошина времен Гражданской войны напрямую отсылают к библейским образцам (Пасха и воскресение, Страшный Суд, святость Руси как богоизбранного народа, фигура Иуды, пророческое видение пророка Иезекииля). Они задают определенные рамки восприятия: Россия представлена то в образе ветхозаветного Израи-

ля, то в образе грешного Иуды; эпоха революции осмысливается как время «видений» в духе пророков или как новая Страстная седмица. Подобные библейские ассоциации в заглавиях несут историософскую функцию — вписывают историю России 1917—1921 годов в масштаб священной истории, переносят акценты с преходящего на вечное. Символическая же их функция состоит в эмоционально-мифологическом обобщении: так, слово «Армагеддон» сразу окрашивает изображаемое как вселенскую катастрофу, «Неопалимая Купина» — как таинственное горение, обусловленное божественным присутствием, «Пасха» — как время возможного чудесного обновления, соединенного, впрочем, с кровью жертвы.

Таким образом, «рамочный текст» волошинской лирики военного лихолетья формирует для читателя своего рода параллельную библейскую реальность. Через библейские имена и цитаты Волошин дает понять читателю, что происходящее — не случайный хаос, но повторение или продолжение библейской драмы: будь то повторение пути Каина (братоубийство), новое Вавилонское столпотворение и Армагеддон (мировая война) или новая Голгофа и Страстная Пятница (страдания России). Заглавия и эпиграфы становятся первым «ключом» к раскрытию этого замысла.

3.2. Гражданская война как «семиосфера» ада в произведениях М. Волошина

Наряду с мотивами Апокалипсиса в число центральных в поэзии Волошина 1917—1923 годов вошли образы ада, земного «дна» ужаса, преисподней, в которую провалилась Россия. Если небесно-эсхатологические образы (Страшный суд, зверь Апокалипсиса) позволяли поэту заглянуть в метафизический смысл событий, то образы преисподней отражали конкретно-эмпирическое переживание происходящего как воплощенного ада на земле. Волошин как свидетель Гражданской войны в Крыму воочию наблюдал сцены, которые иначе как адскими не назовешь: голод, разруха, насилие, круговорот мести, горы трупов. Неудивительно, что в стихах этого периода Россия уподобляется дантовскому аду или библейской геенне.

В уже цитированном стихотворении «Красная Пасха» (1921) [Там же, с. 342] создается впечатляющая картина земного ада. Весна, обычно символ жизни, у Волошина отравлена смертью:

*Зимой вдоль дорог валялись трупы
Людей и лошадей. И стаи псов
Вьедались им в живот и рвали мясо.*

...

*Весна пришла
Зловещая, голодная, больная.
Глядело солнце в мир незрячим оком.*

*Из сжатых челс рождались недоноски
Безрукие, безглазые... Не грязь,
А сукровица поползла по скатам.*

Повсюду признаки разложения: трупы людей и лошадей валяются вдоль дорог, собаки пожирают их внутренности, цветы пропитаны тленом, снег тает, обнажая кости. Но еще страшнее — семиотический уровень этого ада: душевный и духовный. Волошин показывает, как рушатся привычные значения и связи, как из недр смерти рождается нечто нечистое. Души убитых, ставшие беспокойными призраками, смешались с вихрями пыли — это буквально inferнальная метафора, где реальность Гражданской войны уподоблена гиенне, населенной неприкаянными духами. Эти духи заражают живых безумием, жаждой мести и иррациональным страхом; иначе говоря, война представлена как демоническая эпидемия, распространившаяся по земле. Анализируя эти строки, можно говорить о создании Волошиным модели «семиосферы ада»: все знаки жизни оборачиваются знаками смерти, воздух пропитан разложением и безумием, люди превращаются в носителей адских смыслов, сама природа демонизирована.

В другом стихотворении, «На дне преисподней» (1921) [Там же, с. 347], Волошин прямым текстом заявляет, что его поколение оказалось на самом дне ада. Это стихотворение открывает цикл «Усобица», программно задавая тон: поэт как бы спускается в преисподнюю, чтобы оттуда говорить о случившемся. Достаточно взглянуть на последовательность названий цикла «Усобица», чтобы понять логику автора: «Гражданская война», «Бойня», «Террор», «Голод», «На дне преисподней», «Готовность», «Потомкам». Вершиной отчаяния выступает именно «дно преисподней», за которым следует лишь голос из этой бездны («Готовность») и обращение к потомкам. Таким образом, пережитая война для Волошина равнозначна нисхождению в ад.

В стихотворении «Потомкам» (1921) [Там же, с. 349] адские картины Гражданской войны выписаны предельно откровенно: «Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад / Застигли нас посереде дороги: / Разверзлись хляби душ и недра жизни, / И нас слизнул ночной водоворот. / Стал человек — один другому — дьявол; / Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом; / И долгом — месть». В этих строках представлена тотальная моральная и онтологическая катастрофа: все скрепы мира рушатся («разверзлись хляби душ» — разворот глубин зла, хляби бездны из Откровения?), людей поглотил ночной водоворот хаоса, человек человеку сделался дьяволом, кровь — единственной связью между людьми, борьба за выживание — единственным законом, а месть — единственным долгом. Перед нами антимир, полный перевертыш всех христианских ценностей (вместо любви — ненависть,

вместо прощения — месть, вместо Бога в человеке — дьявол). Это и есть ад на земле во всей полноте — как нравственный, так и физический. Волошин фиксирует это без прикрас, будто бы становясь летописцем ада.

Итак, мотивы ада, преисподней у Волошина служат для подчеркнута реалистического изображения ужасов Гражданской войны и одновременно для их мифологического обобщения. Россия явлена как адское пространство, где нарушены законы жизни и торжествуют демонические силы. Данная метафора помогает осознать глубину падения, трагизм происходящего, выразить то, что обычным языком сложно описать. В то же время, как будет показано далее, даже из этого ада Волошин пытается вынести искупительный смысл — однако сперва необходимо рассмотреть, каким он видел природу самих демонических сил, захвативших мир.

3.3. «Бесовщина», овладевшая Россией

В лексиконе Волошина времен революции неоднократно звучит слово «бесы» и производное от него — «бесовщина». Поэт ощущал происходящее как некий вселенский шабаш тёмных сил, буквально наваждение, которое захватило разум масс. Здесь можно усмотреть преемственность с пушкинским образом вихря-бесов из стихотворения «Бесы» (во время метели путники сбиваются, окруженные хороводом бесов) и с известным романом Ф. М. Достоевского «Бесы» о бесноватом состоянии революционных нигилистов. Волошин, будучи человеком глубоко религиозным и мистически восприимчивым, склонен видеть за явлениями революции пробуждение демонических начал.

Стихотворение «Демоны глухонемые» (декабрь 1917) [Там же, с. 261] — один из ключевых текстов, где за внешним описанием революционных массовых беспорядков проступает демонологический план. Уже эпиграф из Исайи о «слепом рабе» и «глухом вестнике» наводит на мысль, что речь пойдет о силах, которые, сами того не ведая, творят нечто роковое. Первые же строки вводят образ демонов: «Они проходят по земле, / Слепые и глухонемые, / И чертят знаки огневые / В распаивающейся мгле».

Эти странные «они» — кто? Явно не люди, по крайней мере не обычные: у них нет зрения и слуха, но они чертят огненные знаки во тьме. Можно интерпретировать их как революционные силы — стихийные, иррациональные, творящие разрушение (огненные знаки — пожары, выстрелы?). Волошин зовет их *демонами*, причём «глухонемыми». Это название, как выясняется, подсказано поэту строкой Ф. И. Тютчева из стихотворения «Ночное небо так угрюмо...»: «Одни зарницы огневые, / Воспламеняясь чередой, / Как демоны глухонемые, / Ведут беседу меж собой» [Тютчев, с. 410].

У Тютчева «демоны глухонемые» — метафора молний во время грозы. Волошин творчески переосмысляет ее: глухонемые демоны у него — это

участники бушующей «грозы» революции, молнии без грома. Они слепы и глухи духовно, не ведают, что творят (отсылка к Евангелию: «не знают, что творят»), но их действия имеют сакральное значение. Поэт пишет: «Их судьбы — это лик Господний, / Во мраке явленный из туч» [Волошин, 2003, с. 261]. Удивительный поворот: судьбы демонов оказываются «лицом Господним во мраке»! Здесь Волошин вновь следует своей парадоксальной логике: даже в бесовском разгуле он усматривает образ Божьего лица, хотя и «во мраке, из туч». Иными словами, бесы революции — лишь орудия, через которые грозно и скрытно действует Господь, ниспославший испытание.

Тем не менее эти демоны несут хаос и разрушение: «Они творят, не постигая предназначенья своего» [Там же]. Здесь сформулирован главный признак бесовщины: действие без сознания, разрушительное творчество без понимания цели. Бесы Волошина — это духи отрицания, «слепые силы». Не случайно поэт говорит о «мятежном духе» революции, который врывается в мир.

Образ «бесовщины», наваждения нечистой силы наиболее прозрачно проявляется в том же стихотворении «Потомкам» [Там же, с. 349]. Волошин отмечает: «...нас слизнул ночной водоворот», — воронка хаоса буквально втягивает людей во тьму. И далее: «Стал человек — один другому — дьявол». Зло овладело человеческими душами настолько, что брат видит в брате воплощение дьявола и обращается с ним соответственно. Так разрывается ткань общности, любовь сменяется ненавистью — это признак бесовского воздействия. В продолжении той же строки: «кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом; и долгом — мечь». Все эти инверсии ценностей традиционно в христианском сознании ассоциируются с дьявольским переворотом (ведь дьявол — «обезьяна Бога», искажает добро во зло). Волошин запечатлел, как революция и война выпустили на волю именно такие обезумевшие, инфернальные энергии.

Кроме того, в цикле «Неопалимая Купина» автор реализует символическую парадигму бесовщины через образ революционной толпы, наделяя массовое движение чертами иррациональной, разрушительной силы. В стихотворении «Русь гулящая» (1919) [Там же, с. 289] Волошин рисует аллегорический образ России, пустившейся в разгул (гулящая — «распутная»). Само сочетание *гулящая Русь* противопоставлено традиционному *Святая Русь*. Россия утрачивает свой священный ореол, изображается одержимой страстями — разнузданной. Описывается разгул черни, вакханалия (отголосок термидорианских образов революции как оргии). Этот «карнавально-бесовский» мотив у Волошина присутствует оттенком: демоны его нередко сравнимы с элементами хаоса, устраивающими шабаш.

В целом мотив бесовщины в поэзии Волошина тесно связан с мотивом ада, но ад — это скорее пространство и состояние, а бесы — действующие силы зла, субъекты этого ада. Волошин, как видно, не персонифицирует зло в конкретных людях (он нигде, например, не называет ни Ленина, ни других вождей прямо «дьяволом»), но обобщенно говорит о принципе: «человек человеку стал дьяволом». И наоборот: он стремится видеть за каждым бесом пленённого ангела. Но в пределах рассматриваемого цикла воссоздается ощущение, что Россию захлестнула бесовщина — буйство темных инстинктов, разрушительных энергий, которые ослепляют людей, одержимость.

Итак, Волошин в своих стихах 1917—1923 годов последовательно демонологизирует революцию и Гражданскую войну. Он использует лексику «бесовского» и «дьявольского», чтобы подчеркнуть противоестественность, антигуманность происходящего. Это, с одной стороны, позволяет ему выразить весь ужас времени (нет ничего хуже, чем бесовщина, когда сами люди превращаются в демонов), а с другой — он вписывает катастрофу в духовно-нравственную плоскость: трагедия нации осмысляется как результат высвобождения дьявольских сил, оторвавшихся от Божьего промысла. Тем самым Волошин предупреждает: падение нравственных устоев чревато бесовщиной, и случившаяся беда — не просто случайность, а последствие отпадения людей от Бога, погружения в стихии мятежа и ненависти.

3.4. Война и революция как наказание и искупление

Для Волошина, воспитанного в традициях русского религиозного сознания, было естественно искать в национальных бедствиях смысл высшей кары за коллективные грехи. В его поэзии времен Гражданской войны ярко проявляется идея Божьего наказания: страдания народа предстают не бессмысленным злым роком, а закономерным возмездием за прежние грехи России. Одновременно с этим звучит и утешительная нота: кара несет в себе и очищение, искупление через страдание — если принять ее смиренно. Подобная парадигма (грех — наказание — покаяние / искупление) восходит к библейской историософии (вспомним книгу Судей, Пророков: грехи Израиля, за ними наказания Господни, затем покаяние и спасение) и была близка религиозно мыслящим русским людям начала XX века (включая философов, деятелей церкви). Волошин выразил эту идею в поэтической форме, вначале с гневной обличительностью, а затем — с покаянным смирением.

Стихотворение «Мир» (23 ноября 1917), написанное вскоре после Октябрьского переворота, представляет собой яркий образец обличительно-покаянной тональности. Оно открывается резким заявлением: «С Россией кончено... На последних / Ее мы прогалдели, проболтали, / Пролузгали, пропили, проплевали... / И родину народ / Сам выволоч на гноище, как падаль» [Там же, с. 259]. В этих строках Волошин через метафору народ-

ного голоса признает национальную вину: Россия погибла из-за собственного легкомыслия, болтовни, пьянства, сквернословия, из-за того, что сам народ выбросил родину на свалку истории как падаль. Это чрезвычайно смелое и горькое обвинение, брошенное своему народу: поэт осуждает общее недостойное отношение к отечеству, к вере, к царю — ко всему, что раньше скрепляло Россию. Далее следует прямая молитва о наказании: «О, Господи, разверзни, расточи, / Пошли на нас огонь, язвы и бичи, / Германцев с запада, Монгол с востока, / Отдай нас в рабство вновь и навсегда, / Чтоб искупить смиренно и глубоко / Иудин грех до Страшного Суда!» [Там же]. Здесь звучат все основные мотивы теодицеи, связывающей воедино наказание и искупление, притом грех назван *Иудиным*, а это наивысшая степень греха: предательство Бога.

Волошин, очевидно, считал, что в 1917 году Россия совершила страшное, отказавшись от своей исторической миссии, отвергнув монархию (помазанника Божьего), пойдя против братской любви, тем самым обрекла свой народ на страдания. Стилизация под ветхозаветно-апокалиптический язык ясно передает умонастроение поэта: он видит революцию как заслуженную кару и призывает Бога не щадить, но испепелить зло, чтобы тем глубже было покаяние.

Однако ключевым произведением, где Волошин переходит от гневного призыва к наказанию к его смиренному принятию и осмыслению как очищения, является стихотворение «Готовность» (24 октября 1921) [Там же, с. 348]. Само название указывает на готовность принять страдание. Здесь лирический герой от лица всего поколения заявляет о полном смирении перед Божьим судом. Если в 1917 году он зывал: «пошли на нас язвы», то в 1921 году он говорит: «Верю в правоту верховных сил, / Расковавших древние стихии, / И из недр обугленной России / Говорю: “Ты прав, что так судил!”». Это, по сути, покаянная молитва: душа пришла к признанию справедливости Божьей кары. Здесь же развивается и мотив очищающего огня: «Надо до алмазного закала / Прокалить всю толщу бытия».

Эти строки содержат метафору, близкую к библейскому мотиву (Пс. 65:10: «ты переплавил нас, как переплавляют серебро»). Волошин глубоко верит, что через огненные испытания народ и человечество станут чище и крепче. Более того — и это чрезвычайно важно — он готов отдать в этот очищающий огонь самого себя: «Если ж дров в плавильной печи мало: / Господи! Вот плоть моя». Этот финал стихотворения — кульминация темы искупления. В этом жесте явственно подражание Христу — самопожертвование ради спасения других. Лирический герой становится образом страждущего праведника, принимающего страдание не только как кару за свои грехи, но и как искупительную миссию.

Таким образом, в творчестве Волошина времён смуты прослеживается переход от восприятия войны и революции исключительно как наказания за грехи — к восприятию их как очистительного испытания, которое при верном духовном отношении может привести к искуплению. Картина наказания у него всегда двуедина: Бог карает, но, карая, — лечит, ибо «Господь, кого любит, того наказывает» (Евр. 12:6). Волошин, претерпев ненависть, ужас и отчаяние, смиренно соглашается с Божьим судом и видит в страданиях путь к искуплению России. Поэт становится как бы ходатаем перед Богом за свой народ: сначала он просит Бога наказать народ (в «Мире»), затем — от лица народа принимает наказание («Готовность»).

Если в будущем восторжествует мир любви и гармонии, то это будет достигнуто ценой жертвенности его поколения. Так поэт утверждает идею искупительной жертвы поколения 1917—1921 годов: их кровь и муки стали жертвой, благодаря которой потомки могут получить лучший мир. Это глубоко христианская по духу идея — идея искупления чужих грехов собственной жертвой (как сделал Иисус).

Одним из важнейших аспектов библейской семантики в волошинской лирике данного периода является образ самого лирического героя, который поэт конструирует по модельному подобию библейских пророков и даже Христа-спасителя. Волошин не только описывает окружающий ад, но и вырабатывает позицию, позволяющую противостоять злу духовно. Эту позицию он черпает в христианстве: поэт становится пророком, молитвенником, ходатаем за народ и одновременно готовым агнцем, принимающим страдания на себя ради будущего. В ряде стихотворений Волошин от первого лица высказывает пророческие и жертвенные интенции, прямо заявляя о своем предназначении как духовного водителя в тьме.

Еще в годы мировой войны Волошин избрал для себя роль наблюдателя и молитвенника, стараясь не участвовать ни в каком братоубийстве. Он жил в Коктебеле и известен был тем, что укрывал у себя в доме и белых, и красных — кого бы ни преследовали, спасал людей вне зависимости от их лагеря.

В стихотворении «Готовность» образ лирического «я»-пророка достигает, пожалуй, апогея в идее самопожертвования. Мы уже цитировали финал: «Господи! Вот плоть моя» — эта жертвенническая нота делает героя сродни библейским праведникам, которые предлагали себя Богу за искупление народа (например, Моисей предлагал изгладить его имя из книги жизни вместо Израиля, апостол Павел желал быть отлученным, лишь бы братья спаслись). Волошин готов ввергнуть свою плоть в огонь истории ради будущего — что же это, как не поведение подлинного мессианского типа героя? Конечно, Волошин не равняет себя с Христом, но христианский архетип «страждущего

праведника» явно проецируется на его лирического героя. Герой «Готовности» говорит: «Я не сам ли выбрал час рожденья... / чтоб пройти сквозь муки и крещение / совести, огня и вод?» [Там же, с. 348]. Здесь он осознает свое рождение в эту эпоху как сознательный выбор души — чтобы пройти через «крещение совести, огня и вод». Три вида крещения (совестью — моральное испытание, огнем — страдание, водой — скорбь) намекают, что герой добровольно принял миссию очищения. Это опять-таки признаки пророческого самосознания: пророки нередко еще до рождения предназначались Богом на служение, и Волошин словно чувствует себя избранным пройти сквозь эти испытания ради великой цели.

Итак, лирический герой Волошина соответствует канону библейского пророка и христианского праведника. Этот герой — провидец, который воспринимает явления века в свете вечности и библейских пророчеств; он — ходатай и молител за народ (молится за всех, даже за врагов); он — страдалец, терпящий мучения вместе с народом, но выносящий из них веру и любовь; наконец, он — носитель надежды, пророчествующий о будущем духовном возрождении (ср.: [Selg, 2022]). Волошин создает образ идеального поэта-пророка, соединяющего в себе ветхозаветную строгость (обличение грехов, провозглашение кары) и новозаветную любовь (молитва за палачей, принесение себя в жертву). В этом образе воплотился весь пафос его библейской семантики: поэт увидел себя современным пророком, призванным осмыслить Апокалипсис Родины и провести ее через ад к надежде воскресения.

4. Заключение = Conclusion

Лирика Максимилиана Волошина 1917—1923 годов представляется ярким примером того, как национальная поэзия может стать средством духовно-историософского постижения эпохи через призму священных смыслов. Проведенное исследование показало, что Волошин последовательно интегрировал библейскую семантику во все уровни своего поэтического текста — от рамочных элементов текста до глубинной мифопоэтической структуры образов. Заглавия стихов и циклов (такие как «Неопалимая Купина», «Путями Каина», «Красная Пасха» и др.) придали происходящим событиям символическую соотнесенность с библейской историей. Эпиграфы из Писания (Ис. 42:19 в «Демонах глухонемых», Откр. 16:16 в «Армагеддоне» и др.) задали прямые параллели между пророчествами и современностью, подготовив читателя к восприятию революции как исполнения библейских пророчеств.

Волошин осмыслил катаклизмы Первой мировой, революции и Гражданской войны как явление исторического Апокалипсиса. В его стихах

современность изображена языком Откровения Иоанна Богослова: войны названы Армагеддоном, революция — появлением «зверя апокалиптического», происходящее уподоблено Страшному суду и концу мира. Через эти образы поэт не только выразил космический размах и судьбоносность переживаемой драмы, но и нашел утешение в мысли, что история движется по Божьему промыслу (даже если это путь через катастрофу к обновлению). Одновременно Волошин воспроизвел в своих стихах и образы ада на земле: беспримерные ужасы Гражданской войны он описал как погружение России в преисподнюю, где царят смерть, разложение и демоническое безумие. Инфернальная метафорика передала весь трагизм национальной катастрофы.

Волошин, таким образом, сумел соединить личное переживание эпохи с универсальным библейским мифом. Его поэтическая хроника революции превратилась в духовную эпопею о грехопадении и возможном воскресении народа. Библейская семантика стала тем инструментом, который позволил ему выразить невыразимое — ужасы современности — и одновременно внушить читателю утешительную надежду.

В целом творчество Максимилиана Волошина 1917—1923 годов предстает выдающимся памятником русской религиозно-философской поэзии, где Библия становится призмой для осмысления национальной истории. Через библейские образы — Апокалипсис, ад, бесов, пророков, Голгофу и воскресение — поэт раскрыл глубинный смысл пережитой трагедии и утвердил идею о духовном возрождении России. Его пророческий голос, звучавший со страниц «Неопалимой Купины» и «Путями Каина», свидетельствует, что даже в самое мрачное время слово поэта может нести свет веры и надежды.

При этом охват библейской истории в стихотворениях Волошина — от первого убийства в истории человечества (к которому отсылает образ Каина) до гибели всего человечества вообще (Апокалипсиса и Страшного Суда). Таким образом, история событий, переживаемых и отрефлектированных поэтом в стихах, отсылает к библейской истории человечества, проходя путь от первого злодейства до последнего.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. *Аввакум*. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / Аввакум. — Москва : Academia, 1934. — 498 с.
2. *Волошин М. А.* Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Волошин. — Москва : Эллис Лак, 2003. — Т. 1. — 610 с. — ISBN 5-902152-05-4.

3. Волошин М. А. Собрание сочинений : в 8 т. / М. А. Волошин. — Москва : Эллис Лак, 2004. — Т. 2. — 770 с. — ISBN 5-902125-05-4.

4. Тютчев Ф. И. Стихотворения / Ф. И. Тютчев. — Москва : Эксмо, 2012. — 608 с. — ISBN 9785998923478.

Литература

1. Басина О. А. Личины революции 1917 года в интерпретации М. Волошина (на примере книги стихов «Неопалимая купина») / О. А. Басина // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — 2016. — № 4. — С. 38—42.

2. Бурмистров К. Ю. «Господь дохнул на преисподний лик» : Максимилиан Волошин и Каббала / К. Ю. Бурмистров // Соловьевские исследования. — 2021. — № 1 (69). — С. 125—149. — DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.125-149.

3. Громов Д. В. Камни-записки на могиле Максимилиана Волошина / Д. В. Громов // Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2024. — № 4. — С. 92—111. — DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111.

4. Заяц С. М. Лик М. Волошина на перекрестке мировых культур и цивилизаций / С. М. Заяц // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 11—1 (41). — С. 82—84.

5. Зорин А. В. Пророк в своем отечестве. Максимилиан Волошин [Электронный ресурс] / А. В. Зорин // Ахилла : Интернет-журнал. — Режим доступа : <https://ahilla.ru/prorok-v-svoem-otechestve-maksimilian-voloshin> (дата обращения 10.09.2025).

6. Колла Е. К проблеме описания метрического репертуара Максимилиана Волошина / Е. Колла // Русская филология: Сборник научных работ молодых филологов. — Тарту : Tartu University Press. 2025. — С. 68—89.

7. Королева А. М. Поэтика заглавия : из истории почти 100-летних наблюдений / А. М. Королева // Журнал филологических исследований. — 2022. — Т. 6. — № 4. — С. 55—60.

8. Ламзина А. В. Латинский код в «раме текста» сборника «Cor Ardens» / А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2025. — № 14 (2). — С. 250—272. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272.

9. Пинаев С. М. Семантика эроса в философско-поэтическом творчестве Вячеслава Иванова и Максимилиана Волошина / С. М. Пинаев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия : Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2022. — Т. 13. — № 3. — С. 815—826. — DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826.

10. Рубенкова Т. С. Тема войны и революции в произведениях М. Волошина / Т. С. Рубенкова // Наука. Искусство. Культура. — 2018. — № 3 (19). — С. 94—103.

11. Рункова А. В. Максимилиан Волошин — «Странник по земле, по звездам, по Вселенной» / А. В. Рункова // Центр и периферия. — 2025. — Т. 20. — № 1. — С. 85—91.

12. Сейранян Л. Б. Сравнительный анализ библейских образов в циклах стихотворений «Неопалимая купина» Максимилиана Волошина и Ваагна Давтяна / Л. Б. Сейранян, Э. В. Григорян, С. С. Абрамян // Религиоведение. — 2025. — № 1. — С. 77—85. — DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-77-85.

13. Серафимова В. Д. Библейские мотивы и образы в творчестве М. Волошина, А. Платонова, Б. Пильняка / В. Д. Серафимова // Русская речь. — 2006. — № 3. — С. 14—21.

14. Смагина Е. Б. Пути Библии : к трактовке античных и библейских мотивов в творчестве М. А. Волошина / Е. Б. Смагина // Соловьевские исследования. — 2019. — № 4. — С. 177—190. — DOI: 10.17588/2076-9210.2019.4.177-190.

15. Уокер Б. Максимилиан Волошин и русский литературный кружок : культура и выживание в эпоху революции. / Б. Уокер. — Бостон ; Санкт-Петербург : Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. — 335 с. — ISBN 9781644698143.

17. Хомяков С. А. Рамочный комплекс как ключ к пониманию книги стихов (на материале сборника «Сокращая расставание» В. Борисова) / С. А. Хомяков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Русская филология. — 2020. — № 3. — С. 119—124. — DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124.

18. Юдахин А. А. Мессианские мотивы в творчестве поэтов Серебряного века (М. А. Волошин, А. А. Блок, С. А. Есенин) / А. А. Юдахин // Нефилология. — 2025а. — Т. 11. — № 1 (41). — С. 98—111. — DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111.

19. Юдахин А. А. Революция 1917 г. и Гражданская война 1917—1922 гг. в историко-философской оптике М. А. Волошина / А. А. Юдахин // Нефилология. — 2025б. — Т. 11. — № 4. — С. 916—928. — DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928.

20. Яковлев М. В. Апокалиптическое направление в русской поэзии XX века : специфика авторского мышления, религиозные идеи и символы, жанрово-стилевые решения : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / М. В. Яковлев. — Москва, 2016. — 526 с.

21. Polonsky V. V. Thirst for apocalyptic whirlwinds and creating a new world : russian literature of the 20th century from the silver age to the soviet years aesthetics / V. V. Polonsky // Studia Litterarum. — 2022. — V. 7. — Pp. 188—203.

22. Selg P. Maximilian Voloshin : A Russian Pacifist. / P. Selg. — New York : SteinerBooks, 2022. — 120 p.

Статья поступила в редакцию 18.11.2025,
одобрена после рецензирования 25.02.2026,
подготовлена к публикации 24.03.2026.

Material resources

Avvakum. (1934). *The life of Protopop Avvakum, written by himself and his other writings*. Moscow: Academia. 498 p. (In Russ.).

Tyutchev, F. I. (2012). *Poems*. Moscow: Eksmo. 608 p. ISBN 9785998923478. (In Russ.).

Voloshin, M. A. (2003). *Collected works: in 8 volumes, 1*. Moscow: Ellis Luck. 610 p. ISBN 5-902152-05-4. (In Russ.).

Voloshin, M. A. (2004). *Collected works: in 8 volumes, 2*. Moscow: Ellis Luck. 770 p. ISBN 5-902125-05-4. (In Russ.).

References

Basina, O. A. (2016). The disguises of the 1917 Revolution as interpreted by M. Voloshin (on the example of the book of poems “The Burning Bush”). *Proceedings of the Dagestan State Pedagogical University. Social sciences and humanities, 4*: 38—42. (In Russ.).

Burmistrov, K. Y. (2021). “The Lord breathed on the face of hell”: Maximilian Voloshin and Kabbalah. *Solovyov studies, 1 (69)*: 125—149. DOI: 10.17588/2076-9210.2021.1.125-149. (In Russ.).

- Gromov, D. V. (2024). Stones-notes on the grave of Maximilian Voloshin. *Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 4: 92—111. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-4-92-111. (In Russ.).
- Khomyakov, S. A. (2020). The framework complex as a key to understanding a book of poetry (based on the collection “Shortening the Separation” by V. Borisov). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology*, 3: 119—124. DOI: 10.18384/2310-7278-2020-3-119-124. (In Russ.).
- Kolla, E. (2025). On the problem of describing the metrical repertoire of Maximilian Voloshin. In: *Russian Philology: A collection of scientific papers by young philologists*. Tartu: Tartu University Press. 68—89. (In Russ.).
- Koroleva, A. M. (2022). Poetics of the title: from the history of almost 100 years of observations. *Journal of Philological Research*, 6 (4): 55—60. (In Russ.).
- Lanzina, A. V. (2025). Latin Code in “Frame of Text” of Collection “Cor Ardens”. *Nauchnyi dialog*, 14 (20): 250—272. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2025-14-2-250-272>. (In Russ.).
- Pinaev, S. M. (2022). Semantics of eros in the philosophical and poetic works of Vyacheslav Ivanov and Maximilian Voloshin. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics*, 13 (3): 815—826. DOI: 10.22363/2313-2299-2022-13-3-815-826. (In Russ.).
- Polonsky, V. V. (2022). Thirst for apocalyptic whirlwinds and creating a new world: russian literature of the 20th century from the silver age to the soviet years aesthetics. *Studia Litterarum*, 7: 188—203.
- Rubenkova, T. S. (2018). The theme of war and revolution in the works of M. Voloshin. *Science. Art. Culture*, 3 (19): 94—103. (In Russ.).
- Runkova, A. V. (2025). Maximilian Voloshin — “A wanderer through the earth, through the stars, through the Universe”. *Center and periphery*, 20 (1): 85—91. (In Russ.).
- Selg, P. (2022). *Maximilian Voloshin: A Russian Pacifist*. New York: SteinerBooks. 120 p.
- Serafimova, V. D. (2006). Biblical motifs and images in the works of M. Voloshin, A. Platonov, B. Pilnyak. *Russian speech*, 3: 14—21. (In Russ.).
- Seyranyan, L. B., Grigoryan, E. V., Abrahamyan, S. S. (2025). Comparative analysis of biblical images in the cycles of poems “The Burning Bush” by Maximilian Voloshin and Vahagn Davtyan. *Religious studies*, 1: 77—85. DOI: 10.22250/2072-8662-2025-1-77-85. (In Russ.).
- Smagina, E. B. (2019). Ways of the Bible: towards an interpretation of ancient and Biblical motifs in the works of M. A. Voloshin. *Solovyov Studies*, 4: 177—190. DOI: 10.17588/2076-9210.2019.4.177-190. (In Russ.).
- Walker, B. (2022). *Maximilian Voloshin and the Russian literary circle: culture and survival in the age of revolution*. Boston; St. Petersburg: Academic Studies Press / Bibliorossika. 335 p. ISBN 9781644698143. (In Russ.).
- Yakovlev, M. V. (2016). *The apocalyptic trend in Russian poetry of the XX century: the specifics of the author's thinking, religious ideas and symbols, genre and style solutions*. PhD Diss. Moscow. 526 p. (In Russ.).
- Yudakhin, A. A. (2025a). Messianic motifs in the works of poets of the Silver Age (M. A. Voloshin, A. A. Blok, S. A. Yesenin). *Neophilology*, 11 / 1 (41): 98—111. DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-1-98-111. (In Russ.).
- Yudakhin, A. A. (2025b). The Revolution of 1917 and the Civil War of 1917—1922. In the historiosophical optics of M. A. Voloshin. *Neophilology*, 11 (4): 916—928. DOI: 10.20310/2587-6953-2025-11-4-916-928. (In Russ.).

- Zayats, S. M. (2014). The face of M. Voloshin at the crossroads of world cultures and civilizations. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 11—1 (41): 82—84. (In Russ.).
- Zorin, A. V. The Prophet in his fatherland. Maximilian Voloshin. *Achilla: Online magazine*. Available at: <https://ahilla.ru/prorok-v-svoem-otechestve-maksimilian-voloshin> (accessed 10.09.2025). (In Russ.).

*The article was submitted 18.11.2025;
approved after reviewing 25.02.2026;
accepted for publication 24.03.2026.*